
Рецепт идеального
Нового года
или 12 листов до чуда

Наталия Герасимчук

Рецепт идеального Нового года или 12 листов до чуда

https://litres.ru/74709434
SelfPub; 2026

Аннотация

Что, если идеальный Новый год — это не дата в календаре, не праздничный стол и даже не исполнение заветного желания, а рецепт, который однажды предстоит найти?

Оля привыкла доверять фактам, искать всему логичное объяснение и не верить в чудеса без веских доказательств. Но однажды старинная итальянская книга рецептов, доставшаяся ей от бабушки и дедушки, преподносит сюрприз: 12 листов загадочным образом исчезают, а на их месте появляется первая подсказка.

Так начинается путешествие по Италии, где на каждом шагу Олю ждут загадки, встречи и открытия, которые невозможно записать в научный блокнот или объяснить одной лишь логикой.

Ей предстоит собрать двенадцать листов и разгадать главный секрет старинной книги. Но чем ближе Новый год, тем яснее становится: некоторые рецепты невозможно найти на бумаге. Их можно только прожить.

Тёплая сказка о семейных историях и маленьких чудесах, которые случаются с нами, когда мы наконец замечаем жизнь вокруг.

Ведь иногда до чуда — всего 12 листов.

Содержание

Пролог. 5
Глава 1. Начало 18
Глава 2. Лист Первый. Лавандовые холмы Тосканы. Аромат. 29
Глава 3. Лист Второй. Парма. Вкус. 50
Конец ознакомительного фрагмента. 65

Наталия Герасимчук
Рецепт идеального Нового года или 12 листов до чуда

Пролог.
Девочка, которая всегда искала объяснения

У каждого необъяснимого события есть одна особенность: оно не предупреждает о себе заранее. Самые странные истории редко начинаются с чего-то по-настоящему необычного. Чаще всего всё выглядит совершенно обыкновенно — до той самой минуты, когда привычный порядок вещей вдруг нарушается.

В декабре даже самые обыкновенные вечера кажутся немного волшебными. За окнами рано темнеет, снег приглушает звуки улиц, а в домах загораются тёплые лампы. Кажется, будто весь мир ненадолго замедляется, позволяя заметить то, на что в другое время не хватает внимания.

Именно в такие вечера особенно легко поверить, что у привычных вещей есть своя тайная жизнь, а у случайных совпадений — скрытый смысл.

Большинство людей предпочитают не задерживаться на подобных мыслях слишком долго. Если ночью в доме раздаётся странный шорох, проще натянуть одеяло до самого носа и надеяться, что к утру всё пройдёт. Если в старой книге обнаруживается непонятный знак, его можно принять за случайное пятно. А если совпадения становятся слишком удивительными, всегда найдётся разумное объяснение — по крайней мере, до тех пор, пока не появятся новые вопросы.

Оля принадлежала к тем людям, для которых новые вопросы были не поводом отступить, а приглашением разобраться.

Оля вообще любила, когда у вещей находились объяснения. Ей нравилось узнавать, почему деревья зимой словно засыпают, а весной снова просыпаются, как из крошечного семечка вырастает огромное дерево и каким образом птицы находят дорогу через тысячи километров. Она могла часами рассматривать под микроскопом то, что большинство людей не замечало, и искренне радовалась, когда очередное наблюдение помогало разобраться в устройстве мира.

Наверное, поэтому она и стала биологом.

Правда, некоторые природные явления казались ей совершенно несправедливыми. Например, способность сов летать почти бесшумно. Оля однажды даже попыталась пройти по дому так, чтобы не издать ни звука. Эксперимент закончился тем, что она задела стул, уронила карандаш и разбудила кота, который, судя по возмущённому мяуканью за стеной,

был категорически против научного прогресса.

Результаты исследования пришлось признать неудовлетворительными.

С тех пор Оля предпочитала изучать сов на расстоянии.

Она верила, что у любого чуда есть причина. Нужно только внимательно посмотреть, задать правильный вопрос и не торопиться с выводами. Если что-то кажется невозможным, это ещё не означает, что оно нарушает законы природы. Возможно, просто не все эти законы нам известны.

И всё же кое-что в мире оставалось для неё загадкой.

Например, почему запах старого дерева иногда возвращает тебя в комнату, где ты не был много лет. Почему одна случайная фраза может вспоминаться десятилетиями, а важные разговоры стираются из памяти почти бесследно. Почему старые вещи иногда кажутся почти живыми. И почему одно место можно назвать домом, даже если ты находишься от него на другом краю земли.

Она родилась в городе, который когда-то прозвали городом невест. По утрам над его улицами часто лежал туман, окутывавший старые дома, балконы и узкие переулки тонкой белой кружевной дымкой. В детстве Оле казалось, что город соткан из невидимых нитей. Улица цеплялась за улицу, двор переходил в сад, за одним окном загорался свет, за другим кто-то заваривал чай. И всё это соединялось в один большой узор, который невозможно было увидеть целиком, находясь внутри него.

Позже Оля узнала, что самое красивое кружево тоже не появляется сразу. Сначала есть одна тонкая нить, потом другая, затем маленькая петля, ещё одна — и только спустя время становится заметен рисунок.

С воспоминаниями, наверное, происходило нечто похожее.

Одно лицо. Чей-то голос. Запах яблок на кухне. Скрип половиц в старом доме. Чужая рука, однажды накрывшая твою ладонь.

Каждая такая мелочь сама по себе почти ничего не значит. Но проходит время, и из этих маленьких нитей складывается что-то удивительно прочное. То, что мы называем домом.

Жизнь увела Олю далеко от города детства. Теперь между ними лежали море, несколько часовых поясов и тысячи километров. Там, где она жила, были другие деревья, другие птицы и другой снег. Зима приходила иначе, свет падал на улицы под другим углом, а знакомые запахи иногда приходилось искать среди совершенно непривычных вещей.

Но декабрь повсюду оставался декабрём.

Оля доставала коробки с ёлочными игрушками, ставила в гостиной большую пушистую ёлку, покупала мандарины и корицу. Вечерами зажигала гирлянды, а на кухне непременно готовила что-нибудь праздничное.

Оля любила сложные рецепты. Они обещали интересный результат, тренировку терпения и возможность проверить, насколько автору можно доверять. Последнее, как правило,

становилось понятно уже на кухне, когда обнаруживалось, что в рецепте пропущен важный шаг, а свободная столешница закончилась ещё на этапе подготовки ингредиентов.

Всё это было частью её личного способа встречать Новый год.

И частью бабушкиного наследства.

Среди вещей, которые Оля увезла с собой из прежней жизни, была старая итальянская поваренная книга. Тяжёлая, с потёртыми уголками и льняной обложкой цвета тёплого молока. На ней золотилась маленькая сова, державшая в клюве веточку лаванды.

Когда Оля была маленькой, она долго рассматривала эту иллюстрацию, пытаясь понять, почему бабушка выбрала именно такую обложку.

— Почему сова? — спросила она однажды.

Бабушка, которая в тот момент перебирала на кухне сушёные травы, даже не обернулась.

— Потому что совы умеют замечать то, чего не замечают другие.

Оля сочла ответ вполне удовлетворительным. Совы действительно обладали превосходным зрением, хорошо ориентировались в темноте и могли обнаруживать добычу там, где человек не увидел бы ничего интересного. Всё это легко поддавалось объяснению, а значит, вопрос можно было считать закрытым.

По крайней мере, на некоторое время.

Книга принадлежала ещё бабушкиной бабушке. Она путешествовала из дома в дом, переходила от одной женщины к другой, пережила несколько переездов и, судя по многочисленным пометкам на полях, успела побывать в руках людей с очень разными представлениями о правильном количестве сахара.

Внутри были рецепты на итальянском языке, рисунки трав и плодов, пятна от масла и короткие заметки, написанные разными почерками. Одни страницы содержали подробные инструкции, другие ограничивались несколькими строками, словно автор был уверен, что самое важное читатель и без того знает.

Оля относилась к книге с уважением исследователя. Она переводила рецепты, изучала старые названия ингредиентов, пыталась определить возраст бумаги и выяснить, когда были сделаны некоторые рисунки. Бабушка наблюдала за этим с неизменным удовольствием.

— Ты когда-нибудь просто приготовишь что-нибудь по рецепту? — спросила она однажды.

— Конечно. Но сначала нужно разобраться в исходных данных.

— А если всё уже написано?

— Тогда нужно проверить, правильно ли написано.

Бабушка рассмеялась и покачала головой.

— Вот поэтому я и люблю готовить с тобой. Никогда не знаешь, что получится в итоге.

Оля не была уверена, что это комплимент, но решила принять его именно за него.

Впрочем, бабушка умела говорить о вещах, которые не сразу укладывались в привычную систему рассуждений.

Однажды они сидели на кухне, и старая книга лежала между ними. Бабушка погладила ладонью льняную обложку и сказала:

— Знаешь, Олечка, некоторые книги не любят стоять на полках. Они очень любят путешествовать.

— Разве книги умеют ходить?

— Конечно нет.

— Тогда как они путешествуют?

Бабушка улыбнулась.

— Вместе с людьми.

Оля нахмурилась.

— А зачем?

— Потому что каждая настоящая книга однажды становится немного другой.

— Но книга же уже написана.

Бабушка посмотрела на неё поверх очков.

— Это тебе так кажется.

Оля собиралась задать следующий вопрос, но бабушка уже поднялась и отправилась проверять пирог в духовке. Разговор закончился, не успев получить ни одного убедительного объяснения.

Оля запомнила его именно поэтому.

Спустя несколько лет бабушка подарила ей книгу. Без торжественной речи и долгих напутствий: просто положила перед внучкой на стол и сказала, что теперь она будет у неё.

Оля тогда долго рассматривала знакомую обложку. Ей казалось, что книга заслуживает более обстоятельной передачи — с рассказом о её происхождении, историей прежних владельцев и, желательно, списком наиболее интересных рецептов.

Но бабушка лишь улыбнулась.

— Ты ведь всё равно будешь её изучать.

— Разумеется.

— Вот и хорошо.

Оля увезла книгу с собой. Время от времени она доставала её, листала страницы, переводила очередной рецепт или просто рассматривала старые рисунки. Иногда ей казалось, что за отдельными заметками скрывается история, которую можно было бы восстановить, если найти достаточно сведений. Но всякий раз работа откладывалась: появлялись новые задачи, поездки, исследования, а книга снова возвращалась на полку.

До того самого декабрьского вечера.

Снег за окном шёл с самого утра. К вечеру он укрыл сад, дорожки и крышу соседнего дома, превратив привычный пейзаж в тихую белую картину. В гостиной мерцала ёлка, на кухне пахло мандаринами и корицей, а старые часы отсчитывали последние дни перед Новым годом.

Оля собиралась приготовить праздничное блюдо по одному из бабушкиных рецептов. Она заранее достала необходимые продукты, поставила чайник и раскрыла книгу на нужной странице.

Всё шло совершенно обычно.

Именно поэтому Оля не сразу заметила, что между двумя рецептами чего-то не хватает.

Она перелистнула страницу назад, затем вперёд. Сверилась с оглавлением, ещё раз пересчитала листы. Сначала решила, что ошиблась: книга была старой, некоторые страницы слипались по краям, а мелкий шрифт требовал хорошего освещения.

Но дело было не в освещении.

Двенадцати страниц не было.

Не вырванных, не вырезанных, не вырвавшихся из переплёта от времени. Между сохранившимися листами просто зиял промежуток, словно книга с самого начала состояла именно из такого количества страниц.

Оля придвинула лампу и принялась за осмотр. Проверила корешок, листы, края бумаги. Провела пальцами по сгибам, заглянула под обложку, даже осторожно встряхнула книгу над столом, хотя прекрасно понимала, что двенадцать листов не могли незаметно превратиться в пыль.

Никаких следов повреждения.

Ни одного обрывка бумаги.

Ничего, что указывало бы на вмешательство посторонних

рук.

Оля закрыла книгу и несколько секунд смотрела на неё, пытаясь подобрать разумное объяснение. Затем открыла снова — исключительно для того, чтобы исключить ошибку при осмотре.

Страниц по-прежнему не было.

— Очень смешно, — произнесла она.

В комнате никого не было, и шутить, по всей видимости, тоже было некому.

Оля проверила пол, заглянула под стол и за шкаф. На всякий случай осмотрела даже мусорное ведро — действие, которое впоследствии сочла бы не самым достойным моментом своей исследовательской карьеры.

Разумеется, ничего не нашлось.

Она вернулась к столу и раскрыла книгу в третий раз.

И тут заметила свет.

Сначала он был едва различим — мягкое фиолетовое мерцание между страницами, похожее на отблеск далёкой гирлянды. Оля наклонилась ближе. Свет становился ярче, медленно растекался по бумаге, а вместе с ним в воздухе возник тонкий аромат лаванды.

Оля замерла.

На пустой странице проступила золотая линия. Она изогнулась, вытянулась, превратилась в маленькую веточку. Затем рядом начали появляться буквы — одна за другой, словно невидимая рука медленно выводила их прямо на бумаге.

Оля успела только отодвинуть чашку, чтобы не задеть книгу.

Через несколько мгновений на странице появилась короткая фраза:

«Настоящий рецепт нельзя прочитать. Его можно только собрать».

Оля перечитала её.

Потом ещё раз.

— Что именно собрать? — спросила она.

Книга не ответила.

Фиолетовое свечение медленно угасло. Запах лаванды ещё немного держался в воздухе, а затем стал таким слабым, что Оля уже не могла понять, чувствует ли его на самом деле.

Она осторожно коснулась страницы. Бумага была сухой и прохладной. Ни краски, ни свежих чернил, ни малейшего следа от невидимого инструмента.

Оля взяла блокнот, записала время, описала наблюдаемое явление и несколько раз подчеркнула слова «не установлено». Это помогло ненадолго.

Потому что, когда она снова подняла глаза, книга лежала перед ней всё такая же старая и невозмутимая, а двенадцати страниц по-прежнему не было.

Оля закрыла её.

Открыла снова.

Надпись осталась на месте.

Она в сотый раз проверила переплёт, бумагу и обложку.

Даже слегка постучала по корешку — мало ли, вдруг внутри обнаружится скрытая полость или какой-нибудь хитроумный механизм.

Ничего.

Впервые за много лет Оля столкнулась с явлением, для которого не могла предложить ни одного убедительного объяснения.

Она посмотрела на часы. Потом на книгу. За окном тихо падал снег, гирлянда отражалась в тёмном стекле, а чайник наконец перестал шуметь.

— Ладно, — сказала Оля, закрывая блокнот. — Утром разберёмся.

Это было разумное решение. Утром она осмотрит книгу при хорошем освещении, ещё раз проверит переплёт и попробует выяснить, что именно произошло. Возможно, найдётся совершенно обычное объяснение. Возможно, она что-то упустила.

А если нет…

Оля не закончила мысль.

Она закрыла книгу прям на столе, и отправилась спать, оставив на кухне только слабый свет над рабочей поверхностью.

Снег продолжал падать.

Дом постепенно погружался в тишину.

А на старой льняной обложке золотая сова держала в клюве веточку лаванды и смотрела прямо перед собой — спо-

койно, внимательно и так, словно знала нечто, чего Оля пока даже не догадалась спросить.

До утра оставалось совсем немного.

Глава 1. Начало

Иногда, чтобы найти
дорогу, нужно сначала заблудиться.

Оля проснулась ещё до рассвета.

За окном медленно падал снег, превращая знакомый сад в белое, почти бесцветное пространство. В гостиной мерцала гирлянда, которую Оля, как обычно, забыла выключить на ночь, а из кухни доносилось мерное тиканье часов. Дом спал, и в этой предрассветной тишине всё казалось удивительно обычным.

Почти всё.

Оля несколько секунд лежала, глядя в потолок, и пыталась восстановить события предыдущего вечера. Старинная поваренная книга. Двенадцать исчезнувших страниц. Пустые промежутки между целыми листами, на которых не осталось ни единого следа отрыва. А потом — странный свет, запах лаванды и ощущение, будто сама книга на мгновение перестала подчиняться привычным законам мира.

«Наверное, мне приснилось», — решила Оля.

Это было самое разумное объяснение из всех возможных. Правда, разумным оно оставалось ровно до того момента, пока Оля не спустилась на кухню.

Книга лежала на столе там же, где она оставила её вечером.

Оля остановилась перед ней, словно ожидала, что за ночь переплёт каким-то образом восстановится, страницы вернутся на свои места, а всё произошедшее окажется досадной ошибкой восприятия. Но книга выглядела точно так же, как накануне: потёртая льняная обложка, тёплый оттенок старой бумаги, золотая сова с веточкой лаванды в клюве.

Оля открыла переплёт.

Двенадцати страниц по-прежнему не было.

Она придвинула лампу и повторно, как и вчера, принялась за осмотр. Все выглядело так, словно этих страниц никогда не существовало.

Оля выдвинула ящик стола и достала небольшой блокнот, который обычно брала с собой в экспедиции. На первой странице аккуратно написала:

Полевые заметки.

Объект исследования: старинная поваренная книга.

Наблюдение 1. Отсутствуют двенадцать страниц. Следов повреждения не обнаружено. Признаков постороннего вмешательства не выявлено.

Оля перечитала запись и задумалась над последней строкой. Карандаш завис над бумагой.

Можно было написать: «Причина исчезновения невозможна».

Это звучало бы убедительно. И совершенно ненаучно.

— Если факты противоречат знаниям, — пробормотала Оля, — сначала следует усомниться в знаниях.

Она всё-таки дописала:

Причина исчезновения не установлена.

Получилось куда менее эффектно, зато честно.

Оля закрыла блокнот, поставила чайник и достала любимую кружку. Обычные утренние действия действовали успокаивающе: вода, чай, тёплая керамика в ладонях. Мир постепенно возвращался в привычные границы, и Оля уже почти убедила себя, что вчерашняя история объясняется усталостью, плохим освещением и, возможно, слишком поздним ужином.

Она потянулась к полке с чаем — и замерла.

В воздухе витал едва уловимый аромат. Свежий, тёплый, суховатый. Запах летнего дня, нагретых солнцем трав и чего-то неуловимо знакомого.

Лаванда.

Оля медленно опустила руку.

На кухне не было ни цветов, ни сухих трав, ни ароматических свечей. Она проверила полку со специями, заглянула в шкаф, затем зачем-то открыла холодильник. Лаванды там, к счастью, тоже не оказалось.

Запах между тем становился отчётливее.

Оля вернулась к столу. Источником аромата была книга.

На первой пустой странице, у самого переплёта, проступала тонкая фиолетовая линия. Оля наклонилась, пытаясь

понять, не просвечивает ли рисунок с обратной стороны. Но линия изгибалась, ветвилась, обрастала крошечными соцветиями, пока на бумаге не появилась изящная веточка лаванды — почти точная копия той, что украшала обложку.

— Нет, — тихо произнесла Оля.

Веточка, разумеется, не исчезла.

Она осторожно коснулась рисунка. Бумага оказалась тёплой, словно книгу только что держали в руках.

И тут под веточкой начали проступать буквы.

Не сразу. Сначала появилась тонкая черта, затем округлый изгиб, потом ещё одна буква. Невидимая рука будто медленно выводила слова прямо на глазах у Оли.

«Первый лист найдется там, где лаванда помнит солнце».

Оля прочитала фразу дважды.

За окном продолжал падать снег. На карнизе уже лежала белая полоса, а сад скрывался за плотной пеленой зимнего утра.

— Тоскана, — сказала Оля.

Слова вырвались сами собой. Она вспомнила фотографии лавандовых полей, которые когда-то изучала перед поездкой в Италию, и бесконечные ряды фиолетовых цветов под жарким летним небом. Если в этой истории вообще существовало место, где лаванда могла помнить солнце, то начинать следовало именно там.

Из гостиной донёсся шорох.

Оля обернулась.

На спинке кресла сидела сова.

Большая, серо-фиолетовая, с густым оперением и круглой головой. Она выглядела совершенно невозмутимой — так, словно появление в чужом доме ранним утром было самым обычным делом на свете.

Оля посмотрела на сову. Сова посмотрела на Олю.

Некоторое время обе молчали.

— Хорошо, — наконец сказала Оля, скрестив руки на груди. — Начнём с очевидного. Ты сова?

Сова медленно кивнула.

— Отлично.

Она вернулась к столу и открыла блокнот.

Сова склонила голову набок.

— Что ты делаешь?

Оля замерла. Затем очень медленно подняла глаза.

— Ты только что разговаривала?

— Да.

— Но птицы не разговаривают.

— Обычно нет, — согласилась сова.

Оля отложила карандаш и подошла ближе. Ей хотелось убедиться, что перед ней действительно живое существо, а не очередная причуда уставшего сознания. Она осторожно коснулась кончиком пальца пера. Оно было мягким и тёплым, под ним ощущалось движение живого тела.

Сова не возражала, но смотрела на Олю с выражением,

которое та бы назвала терпеливым неодобрением.

— Ты не испугалась, — заметила сова.

— Пока нет.

— Почему?

— Потому что у меня недостаточно данных.

В глазах совы мелькнуло что-то похожее на одобрение.

— Уже интересно.

Она спрыгнула со спинки кресла, бесшумно приземлилась на пол и неторопливо направилась на кухню. Именно направилась — не полетела, как, по мнению Оли, должна была поступить нормальная сова. Оля невольно отметила это в уме, хотя пока не решила, следует ли включать наблюдение в блокнот.

— Ты всегда ходишь пешком? — спросила она.

— Только когда думаю. Летать удобно, но ходить полезно. Во время ходьбы мысли лучше раскладываются по местам.

— Интересная теория.

— Проверена веками.

Сова легко запрыгнула на край стола и устроилась рядом с раскрытой книгой. Она внимательно изучила пустую страницу, затем перевела взгляд на Олин блокнот.

— Ну что, исследователь? Раз уж мы начали знакомство, может быть, запишешь настоящее наблюдение?

Оля послушно придвинула блокнот.

Полевые заметки. Наблюдение 2.

Обнаружен представитель семейства совиных…

Она остановилась, посмотрела на птицу и добавила:

…предположительно.

— Почему «предположительно»? — поинтересовалась сова.

— Потому что известные мне представители семейства совиных не разговаривают.

— А известные тебе биологи разговаривают с совами?

Оля открыла рот, но ответ не нашёлся сразу. Она закрыла его, обдумала вопрос и честно призналась:

— Пока нет.

Сова удовлетворённо кивнула.

Оля дописала ниже:

Дополнение к наблюдению 2. Зафиксирован случай вербальной коммуникации с представителем семейства совиных.

Сова заглянула в блокнот.

— Звучит так, будто это я разговариваю с тобой.

— Так и есть.

— Нет. Это ты разговариваешь со мной.

Оля задумалась, перечитала запись и аккуратно приписала на полях:

Формулировка требует уточнения.

Сова тихо хмыкнула.

— Значит, ты всё-таки сомневаешься, что я сова?

— Я сомневаюсь не в этом.

— А в чём?

Оля задумалась над ответом. Вопрос оказался сложнее, чем казался.

— В том, что имеющихся у меня знаний достаточно, чтобы правильно описать происходящее.

На этот раз сова смотрела на неё чуть дольше.

— Точная.

— Стараюсь.

Она расправила крыло и положила перед Олей маленький засохший цветок лаванды.

— Тогда ответь. Откуда он?

Оля взяла цветок и осторожно повертела его между пальцами. Затем достала из ящика лупу, рассмотрела соцветие, стебель и остатки пыльцы. Цветок был хрупким, но сохранил форму. На нём не было заметно ни следов свежего среза, ни признаков того, что его только что сорвали.

— Он мог быть засушен заранее, — сказала Оля. — Но выглядит так, будто его сорвали сравнительно недавно.

— Продолжай.

Оля подняла глаза.

— Сейчас зима. Здесь лаванда не цветёт. Значит, цветок привезли откуда-то, где было тепло, или он сохранился в подходящих условиях.

Сова молчала, явно ожидая большего.

Оля снова посмотрела на цветок. Поднесла его к лицу и осторожно вдохнула аромат. Тот самый — тёплый, солнечный, словно в маленьком сухом соцветии осталось немного

летнего воздуха.

И вдруг Оля поняла, что всё это время рассматривала цветок как предмет, хотя он был частью чего-то гораздо большего.

— Это не просто лаванда, — произнесла она. — Это след.

Сова одобрительно кивнула.

— Вот теперь мы куда-то движемся.

Она коснулась клювом пустой страницы.

По бумаге пробежала тонкая золотая линия. За ней появилась вторая, затем третья. Линии переплетались, изгибались, расходились в разные стороны. Оля отступила на шаг, наблюдая, как на странице проступают очертания холмов, узкие дороги, кипарисовые рощи и крошечные домики, тесно прижавшиеся друг к другу на склоне.

Постепенно линии складывались в карту.

Сначала она была бледной, почти прозрачной, но с каждым мгновением становилась ярче. В самом центре медленно разрасталось фиолетовое пятно — словно кто-то пролил на бумагу каплю чернил, которая вдруг ожила и превратилась в бескрайнее поле лаванды.

Золотой свет мягко разлился по странице.

Под картой появилось одно-единственное слово:

TOSCANA.

Оля долго смотрела на него.

— Италия?

— Не совсем, — ответила сова.

— Что значит «не совсем»? Тоскана находится в Италии.

— На твоих картах — да.

Оля перевела взгляд с карты на сову.

— А на каких картах иначе?

Сова устроилась поудобнее, словно наконец дождалась вопроса, который ей понравился.

— На картах, по которым путешествуют сказки.

Оля снова посмотрела на страницу. Золотые дороги мерцали в глубине бумаги, а фиолетовые холмы казались почти настоящими. От карты исходил слабый аромат лаванды — тот же, что разбудил её этим утром.

Оля закрыла блокнот.

Потом снова открыла его, проверила запись о наблюдении 2 и добавила ещё одну строку:

Обнаружена карта неизвестного происхождения. Изображённая местность предположительно соответствует Тоскане. Природа явления не установлена.

Она помедлила и дописала:

Требуется дальнейшее исследование.

— Разумеется, — сказала сова, заглянув в блокнот. — Было бы странно, если бы ты остановилась на полпути.

Оля подняла на неё глаза.

— Я ведь ещё не сказала, что собираюсь куда-то ехать.

— Нет, — согласилась сова. — Но ты уже решила.

Оля посмотрела на заснеженное окно, затем на золотую карту. За стеклом лежала зима, а на странице книги подни-

мались холмы, согретые солнцем.

Она вдруг почувствовала, что впереди её ждёт не просто поездка и даже не обычное исследование. Впервые за долгое время она столкнулась с вопросом, на который нельзя было найти ответ, не выйдя за пределы привычного мира.

Оля закрыла книгу.

— Хорошо, — сказала она. — Начнём с Тосканы.

Сова довольно прикрыла глаза.

Глава 2. Лист Первый. Лавандовые холмы Тосканы. Аромат.

У каждого воспоминания есть
свой запах. Даже у тех, которые
мы давно перестали помнить.

Когда Оля шагнула за окно, лето встретило её сразу со всех сторон.

Тёплый воздух коснулся лица, солнце скользнуло по волосам, а под ногами мягко хрустнула сухая земля. Ещё несколько минут назад за стеклом была зима — с серым небом, снегом и ранними сумерками, — а теперь перед ней простиралась Тоскана, такая яркая и солнечная, что глаза невольно хотелось прищурить.

Лавандовые поля уходили далеко за горизонт. Фиолетовые ряды плавно поднимались и опускались вслед за холмами, словно кто-то расстелил по земле огромную бархатную ткань. Между полями вились узкие дорожки, вдоль которых росли высокие кипарисы. За низкой каменной стеной лениво бродили овцы, позванивая маленькими колокольчиками, а над цветами кружились пчёлы. Вдали, среди оливковых рощ, виднелись крыши старых домов, нагретых полуденным солнцем.

Где-то далеко звонил колокол.

Оля сделала несколько шагов и остановилась. Она столько раз представляла себе Италию, разглядывая фотографии и читая книги о путешествиях, что теперь ей казалось почти невероятным оказаться здесь вот так — не после долгого перелёта, не на шумном вокзале, не среди туристов с фотоаппаратами, а буквально шагнув из собственной кухни в середину лета.

Она осторожно протянула руку, коснулась ближайшего лавандового куста и провела пальцами по нежным соцветиям.

Потом закрыла глаза и вдохнула.

И сразу нахмурилась.

Она вдохнула ещё раз, чуть глубже, словно подозревала, что первый вдох мог оказаться неудачным.

Ничего.

Оля открыла глаза и посмотрела на цветы с выражением человека, который обнаружил в безупречно составленном отчёте ошибку на первой же странице.

— Так, — произнесла она. — Как странно. Этого не может быть.

— Чего именно? — поинтересовалась сова.

Она устроилась на низкой каменной ограде и с любопытством наблюдала за Олей. На фоне бескрайнего фиолетового поля сова выглядела удивительно уместно, словно именно здесь и собиралась провести отпуск.

— Лаванда не пахнет.

Сова повернула голову, посмотрела на цветы, потом на Олю.

— Вполне разумное требование. Особенно для лаванды.

— Я серьёзно.

— А я, по-твоему, нет?

Оля не стала отвечать. Она подошла к кусту, сорвала несколько цветков и осторожно растёрла их между пальцами. На коже остался едва заметный фиолетовый след. Она поднесла руку к лицу.

Ничего.

Попробовала ещё раз, уже сильнее. Результат не изменился.

— Странно, — пробормотала она.

— Это ты уже говорила.

— Потому что ситуация остаётся странной.

— Понимаю. Наука любит, когда ситуация меняется после повторного эксперимента.

Оля бросила на сову короткий взгляд, но та выглядела совершенно невозмутимой.

Достав из сумки блокнот, Оля записала дату, примерную температуру воздуха, направление ветра и состояние растений. Лаванда выглядела здоровой: стебли крепкие, листья без признаков увядания, соцветия плотные. Ничто не указывало на болезнь или недостаток влаги. Солнца было достаточно, земля казалась сухой, но не пересохшей.

Над цветами кружили пчёлы. Правда, вели они себя

необычно: подлетали к соцветиям, задерживались на мгновение и снова улетали, словно каждый раз обнаруживали, что ошиблись адресом.

Оля проследила за одной пчелой, затем за другой.

— Они тоже не находят того, что ищут.

— Может быть, просто решили полюбоваться пейзажем, — предположила сова.

— Пчёлы не прилетают на лаванду любоваться пейзажем.

Сова задумалась и огляделась.

— А зря. Пейзаж замечательный.

Оля невольно улыбнулась, но тут же снова посмотрела на поле.

Чего-то действительно не хватало. Не было ни привычного густого аромата, ни того особенного ощущения лета, которое обычно возникает ещё до того, как успеваешь понять, откуда оно пришло. Цветы были на месте, солнце грело, ветер шевелил соцветия, пчёлы гудели над травой. Всё выглядело правильно — и всё же казалось неполным.

Оля закрыла блокнот.

— Нужно найти причину.

— Я надеялась, что ты это скажешь.

— Почему?

— Потому что книга редко отправляет человека в другое время года и другую страну просто ради красивого пейзажа.

Оля покосилась на сову.

— А жаль. Я бы не отказалась хотя бы полчаса просто

смотреть на холмы.

— Вот видишь. Ты уже начинаешь понимать, что красота тоже бывает полезной.

— Не приплетай к этому науку.

— Не беспокойся. Я никому не расскажу.

Оля спрятала блокнот и достала старинную книгу. Льняная обложка чуть потемнела от тепла, а золотая сова с веточкой лаванды в клюве блеснула на солнце. Подсказка из предыдущей страницы всё ещё звучала в памяти: *«Первый лист найдется там, где лаванда помнит солнце»*.

Похоже, они действительно оказались в нужном месте. Оставалось понять, что именно здесь произошло.

Оля убрала книгу в сумку, и они отправились по узкой дорожке между полями.

Тоскана жила своей неторопливой жизнью. За каменной стеной овцы перебирались к другому участку пастбища. Ветер приносил с холмов запах нагретой земли, сухой травы и далёкого дыма. Над кипарисами медленно проплывали облака, а колокольный звон то приближался, то растворялся в тишине.

И всё-таки Оля никак не могла перестать думать об отсутствующем аромате.

Чем дольше она шла, тем отчётливее понимала: это не просто необычная особенность растений. Запах не мог исчезнуть сам по себе, оставив цветы совершенно здоровыми. И пчёлы не стали бы так настойчиво облетать кусты, если бы

дело заключалось только в капризах погоды.

Значит, нужно искать не среди цветов.

Нужно искать то, что связывало их с окружающим миром.

Дорога постепенно поднималась на холм. За поворотом, среди старых олив, показалась каменная мельница. Когда-то она, должно быть, была важным местом для всей округи, но теперь её стены потемнели от времени, деревянное колесо почти заросло травой, а выгоревшие ставни приобрели мягкий серо-коричневый оттенок.

Над дверью висела металлическая табличка:

MULINO DELLA LUNA.

Мельница Луны.

Под названием был изображён небольшой золотой знак — сова с веточкой лаванды в клюве.

Оля остановилась и сняла сумку с плеча, чтобы достать книгу. На её обложке был точно такой же рисунок.

— Кажется, мы пришли куда нужно, — сказала она.

— Или туда, куда нас очень хотели привести.

— Это должно меня успокоить?

— Нет. Но звучит эффектно.

Оля постучала в дверь.

Ответа не последовало.

Она подождала и постучала ещё раз, уже громче. Внутри что-то тяжело грохнуло, раздался звон стекла, а затем послышалось приглушённое ворчание.

— Кажется, мы кого-то разбудили, — заметила сова.

— Или разозлили.

— Вполне возможно, что и то и другое.

За дверью послышались шаги.

— Иду! Иду, не ломитесь!

Дверь распахнулась.

На пороге стоял маленький старичок, весь покрытый мукой. Белая пыль осела на плечах, запуталась в седых волосах, устроилась на бровях и даже украсила кончик носа. Круглые очки сидели криво, рубашка была застёгнута на разные пуговицы, а поверх неё повязан старый фиолетовый фартук.

Старичок посмотрел на Олю, потом на сову и неожиданно вздохнул.

— Так вот в чём дело, — пробормотал он.

Оля насторожилась.

— В чём?

Старичок недоуменно поморгал, словно только теперь заметил, что сказал это вслух.

— Ничего. Заходите.

Он посторонился, пропуская гостей внутрь.

В мельнице было прохладно. После яркого солнца помещение казалось почти сумрачным, и некоторое время Оле пришлось привыкать к полумраку. Пахло старым деревом, сухими травами и чем-то сладким, похожим на засахаренные апельсиновые корки.

И всё же лаванда здесь пахла так же слабо, как и снаружи.

Оля медленно огляделась.

Полки вдоль стен были заставлены стеклянными банками, бутылочками и пузатыми сосудами с плотными пробками. В одних лежали высушенные лепестки, в других плавали маленькие листья, в третьих переливалась прозрачная жидкость, на поверхности которой дрожали едва заметные золотистые искры.

На каждом сосуде была аккуратная этикетка.

Запах первого снега.

Старая яблоня после дождя.

Морской ветер в сентябре.

Домашний хлеб.

Оля подошла ближе и прищурилась, словно надеялась обнаружить на этикетках химические формулы или хотя бы указание состава.

— Что вы здесь храните? — спросила она.

Старичок поставил на стол деревянную миску, стряхнул с ладоней муку и ответил так буднично, словно речь шла о запасах крупы на зиму:

— То, что не хочется потерять.

Оля посмотрела на него, потом снова на полки.

— В бутылках?

— А где же ещё?

— Но запах нельзя хранить таким образом.

Старичок поднял брови.

— Как интересно. А вы уже пробовали?

Оля открыла рот, чтобы возразить, но вовремя останови-

лась. В конце концов, перед ней стояла мельница, в которой на полках хранились запахи, подписанные так, словно они были предметами коллекции. Спорить о невозможности происходящего было бы преждевременно. Для начала следовало разобраться, что именно она видит.

— Я хотела сказать, что не знаю механизма, который позволял бы это делать.

— Вот это уже гораздо точнее, — одобрил старичок.

Сова устроилась на высокой балке.

— Записывай, Оля. Человек только что научил тебя правильно формулировать гипотезы.

— Я и без тебя все слышу.

— Конечно. Просто иногда полезно услышать это от постороннего.

Оля сделала вид, что не услышала, и продолжила рассматривать сосуды.

В самом центре комнаты стоял большой стеклянный колпак, похожий на перевёрнутый колокол. Внутри медленно двигалось лиловое облако. Оно собиралось в плотный клубок, распадалось на тончайшие нити, снова соединялось и едва заметно пульсировало в глубине стекла.

Оля подошла ближе.

И замерла.

Впервые с момента появления в Тоскане она почувствовала запах лаванды.

Он был густым и тёплым, почти осязаемым. В нём смеша-

лись солнце, сухая трава, нагретый камень и что-то ещё — такое знакомое, что Оля на секунду забыла, где находится.

Она медленно вдохнула.

Запах будто открыл невидимую дверь. За ней мелькнула светлая кухня, деревянный стол, солнечный квадрат на полу и маленький стакан у окна, в котором стояла фиолетовая веточка. Воспоминание оказалось слишком коротким, чтобы успеть рассмотреть его целиком, но достаточно ясным, чтобы сердце на мгновение сжалось от неожиданной нежности.

Оля моргнула. Комната снова была перед ней.

— Вот где он, — тихо сказала она.

Старичок подошёл к сосуду.

— Да.

— Вы собрали запах лаванды и заперли его здесь?

— Пришлось.

— Но зачем?

Старичок снял очки, протёр их уголком фартука и снова надел.

— Потому что он исчезал.

— Что значит исчезал? Цветы продолжали расти, но перестали пахнуть?

— Именно.

— И вы решили сохранить аромат отдельно от растений?

— Я решил, что лучше пусть он останется здесь, чем пропадёт совсем.

Оля обошла стеклянный колпак, рассматривая основание

и крышку. Ей хотелось найти хоть какую-нибудь закономерность, зацепку, которую можно было бы проверить. Но пока она видела только странный сосуд и облако внутри него, существование которого не укладывалось ни в одну известную ей схему.

— Почему вы решили, что аромат исчезнет окончательно?

Старичок подошёл к окну. Снаружи ветер мягко покачивал лавандовые ряды.

— Раньше сюда приходили люди. Садились на лавку, разговаривали, смотрели на цветы, смеялись. Иногда проводили здесь полдня и не делали ничего полезного.

— И что в этом хорошего? — спросила Оля.

Старичок обернулся с таким искренним удивлением, что она сама услышала, насколько деловито прозвучал её вопрос.

— А разве обязательно делать что-то полезное?

Оля собиралась ответить, но решила, что сейчас это не самое важное.

— Продолжайте.

Старичок улыбнулся и снова посмотрел на поле.

— Потом люди начали спешить. Сначала понемногу. Приезжали, фотографировали лаванду, садились в машины и уезжали. Некоторые даже не выходили из автомобиля. А однажды я заметил, что они перестали говорить о запахе. Раньше человек мог остановиться посреди дороги и сказать: «Как

же здесь пахнет!» А потом всё реже и реже.

Он положил ладонь на стеклянный сосуд.

— И я подумал: если никто больше не замечает аромат, однажды он исчезнет совсем. Вот я и решил его сохранить.

Оля посмотрела на лиловое облако.

— Заперев его в стекле?

— Да.

— А поле теперь совсем не пахнет.

— Я знаю.

Старичок произнёс это негромко, но в его голосе послышалась усталость.

— Зато здесь он никуда не денется.

Оля не стала спорить. Она понимала, что старичок действовал не из равнодушия и не из желания присвоить себе что-то красивое. Он боялся потерять то, что любил, и придумал единственный способ, который казался ему надёжным.

Только вот способ этот не работал.

Точнее, работал слишком хорошо.

Оля снова обошла сосуд. На внутренней поверхности стекла блестели капельки конденсата. Она присела, внимательно осмотрела основание, затем подняла голову и посмотрела на потолок.

— А вентиляция здесь есть?

Старичок моргнул.

— Есть.

— Покажите.

Он указал на узкую лестницу в дальнем углу.

— Наверху. Там старый механизм мельницы.

Оля направилась к лестнице, и старичок поспешил за ней. Сова бесшумно взлетела с балки и последовала следом.

На втором этаже было тесно. Под низким потолком переплетались деревянные шестерни, металлические оси и старые ремни. В углах лежала пыль, а на полу валялись сухие листья, занесённые сюда сквозняком много лет назад. Некоторые детали потемнели от времени, другие сохранили гладкость дерева, которого долго касались человеческие руки.

Оля остановилась перед механизмом.

— Мельница ещё работает?

— Иногда.

— А что заставляет её двигаться?

— Ветер.

Оля улыбнулась.

— Значит, ветер здесь есть.

— Разумеется.

— Тогда почему механизм остановлен?

Старичок посмотрел на деревянную дверцу в стене. Она была почти незаметна среди балок.

— Потому что я давно перестал её открывать.

Оля подошла и осторожно потянула за ручку. За дверцей оказался узкий канал, уходивший в толщу стены. Она поднесла к нему ладонь и почувствовала слабое движение воздуха.

— Вы закрыли вентиляцию?

— Да.

— Зачем?

Старичок помолчал, словно ответить на этот вопрос оказалось труднее, чем на все предыдущие.

— Когда мельница работает, здесь становится шумно. Она скрипит, стучит, гремит. Сначала мне это нравилось. Я любил слушать, как оживает механизм. Но со временем шум стал утомлять. Мне захотелось тишины.

Он провёл ладонью по старой деревянной балке.

— А потом я привык к тому, что всё стоит на месте. И уже не замечал, как давно перестал открывать окна.

Оля ещё раз посмотрела на канал, затем на механизм.

В её голове постепенно складывалась картина. Она пока не могла объяснить, каким образом запах оказался внутри стеклянного сосуда, но кое-что уже становилось понятным. Мельница была связана с системой воздушных каналов. Когда механизм работал, воздух двигался, проходил через помещение и выходил наружу. Теперь же окна и вентиляция оставались закрытыми, а старичок пытался удержать аромат в сосуде, вместо того чтобы позволить ему распространяться.

Возможно, волшебство здесь подчинялось не законам химии, а каким-то другим правилам. Но даже у волшебства, похоже, были свои условия.

— Нам нужно снова запустить мельницу, — сказала Оля.

Старичок побледнел.

— Подожди.

В его голосе впервые не было ни привычного спокойствия, ни добродушного ворчания.

— Если открыть сосуд и выпустить всё сразу, обратно уже не соберёшь.

Оля посмотрела вниз, на лиловое облако под стеклом.

— Знаю.

— Тогда зачем ты хочешь это сделать?

Она не ответила сразу. За стеной колыхалось лавандовое поле, и от одного взгляда на него становилось ясно: аромат нужен не этому помещению. Он должен был жить там, среди цветов, где его могли почувствовать люди, пчёлы и ветер.

— Потому что он принадлежит не вам, — сказала наконец Оля.

Старичок нахмурился.

— А кому?

— Тому месту, откуда вы его забрали.

Старичок опустил глаза. Несколько мгновений он молчал, потом снял очки и медленно протёр их.

— Знаешь, — сказал он, — иногда очень трудно понять, в какой момент забота превращается в страх потерять.

Оля задумалась.

— Наверное, когда начинаешь держать слишком крепко.

На этот раз старичок улыбнулся. Улыбка у него получилась немного грустной, но удивительно спокойной.

Они спустились вниз.

Оля подошла к сосуду, ещё раз проверила, как закреплена крышка, и осторожно взялась за стеклянный ободок. Старичок стоял рядом, сцепив руки перед собой. Сова устроилась на подоконнике и на всякий случай отодвинулась подальше от колпака.

— Готовы? — спросила Оля.

— Нет, — честно ответил старичок. — Но, полагаю, это не имеет значения.

— Все будет хорошо.

Оля открыла ставни.

Тёплый воздух ворвался в мельницу, поднял с пола сухие листочки и заставил колыхнуться связки трав под потолком. Солнечный свет лёг на стол, пробежал по стеклянным сосудам и отразился в круглых очках старичка.

Сначала ничего не произошло.

Потом наверху раздался протяжный скрип.

Одна из шестерён медленно повернулась. За ней пришла в движение вторая, затем третья. Где-то внутри стены загудел старый механизм, и деревянное колесо за мельницей дрогнуло, будто просыпалось после очень долгого сна.

Воздух потянулся через открытый канал.

Лиловое облако под стеклом пришло в движение. Оно поднялось, закружилось и стало постепенно терять плотность, словно растворялось в солнечном свете.

Старичок отступил на шаг.

— Ох…

Фиолетовая дымка потянулась к открытому окну. На мгновение задержалась над подоконником, словно колебалась, а потом ветер подхватил её и унёс наружу.

Оля выбежала следом.

Дымка медленно растекалась над полями, опускалась всё ниже, скользила между рядами лаванды и растворялась среди цветов. Ветер подхватывал её тонкие нити и разносил по холмам, словно возвращал каждой тропинке, каждому кусту и каждому лепестку то, чего они были лишены слишком долго.

Несколько секунд ничего не происходило.

Затем одна пчела опустилась на ближайший цветок.

За ней — вторая.

Потом ещё несколько.

Над лавандой снова поднялся ровный, оживлённый гул. Ветер прошёл по полю, и цветы качнулись целой волной.

И тогда Оля почувствовала аромат.

Он пришёл сразу — тёплый, сладковатый, чуть терпкий. В нём было солнце, сухая трава и нагретый камень. Запах окружил её со всех сторон, и на мгновение ей показалось, будто весь мир сделал глубокий вдох после долгого молчания.

Оля закрыла глаза.

Перед ней снова возникла бабушкина кухня. Тёплый деревянный стол, солнечный свет на подоконнике, сушёные

травы, разложенные на полотенце. Маленький стакан с фиолетовой веточкой, стоявший возле окна. Она не могла бы сказать, какое именно воспоминание вернулось первым. Наверное, ни одно из них не приходило отдельно.

Иногда прошлое возвращается не картинкой и не словами. Оно приходит запахом, светом, звуком знакомого голоса — и на несколько секунд ты снова оказываешься там, где давно уже не был.

Оля открыла глаза.

Старичок стоял рядом и смотрел на поле. Его лицо изменилось: тревога исчезла, а на смену ей пришло тихое удивление, словно он впервые за много лет увидел знакомое место.

— Теперь я понимаю, — сказал он.

— Что именно?

Он улыбнулся.

— Почему его нельзя было сохранить.

Оля покачала головой.

— Его можно сохранить.

Старичок посмотрел на неё вопросительно.

— Но не в сосуде, — закончила она.

— Да, — согласился он. — Не в сосуде.

Оля ещё раз вдохнула полной грудью. Лаванда пахла повсюду: у мельницы, вдоль дорожки, за каменной стеной, где паслись овцы. Ветер нёс аромат дальше, к кипарисам и далёким домам, и теперь его нельзя было удержать в одном месте.

— Иногда достаточно просто не мешать хорошему проис-

ходить, — сказала Оля.

Старичок кивнул.

Сова, сидевшая на каменной ограде, на этот раз промолчала. Возможно, даже она понимала, что некоторые моменты лучше не сопровождать комментариями.

Ветер шевельнул страницы книги в Олиной сумке.

Она обернулась и заметила, что на столе возле открытого окна лежит лист бумаги. Старичок тоже посмотрел на него, но ничего не сказал.

Оля подошла и взяла лист в руки. Бумага была плотной, чуть пожелтевшей по краям, а на просвет в ней проступали тонкие льняные волокна. Она казалась старой, но на ощупь оставалась удивительно тёплой.

На пустой поверхности медленно проступили слова:

То, что любишь, нельзя удержать. Но можно помочь ему остаться.

Оля прочитала их дважды. На этот раз она не стала искать в надписи скрытый механизм или пытаться объяснить, каким образом буквы появились на бумаге. Она осторожно вложила лист в старинную книгу.

Золотая сова на обложке блеснула в солнечном свете.

Страницы сами собой перелистнулись, остановившись на чистом развороте. В центре страницы появилась маленькая фиолетовая точка, а вокруг неё начали проступать тонкие золотые линии. Они складывались, соединялись и постепенно превращались в очертания Италии.

На севере загорелась новая отметка.

Оля наклонилась над страницей и узнала это место почти сразу.

— Парма.

Сова подлетела ближе и заглянула через её плечо.

— Что ж, надеюсь, там хотя бы кормят.

— Ты же только что рассуждала о красоте пейзажа.

— Пейзаж не заменяет обед.

Оля рассмеялась и закрыла книгу.

За окном солнце уже клонилось к горизонту. Лавандовые поля постепенно темнели, переходя от яркого фиолетового к глубокому синему. Запах теперь был таким насыщенным, что казалось, будто сам воздух стал мягче.

Оля ещё раз посмотрела на мельницу. Все её окна были распахнуты, и ветер свободно проходил сквозь комнаты, шевеля связки трав и страницы старых книг.

— Спасибо, — сказала она старичку.

Тот махнул рукой.

— Это тебе спасибо. Я бы ещё лет десять думал, что делаю всё правильно.

— Возможно, через десять лет тоже нашлась бы причина.

— Возможно. Но тогда мне пришлось бы ждать ещё десять лет.

Оля улыбнулась.

Они попрощались, и она вместе с совой отправилась обратно по дорожке, спускавшейся с холма.

Лавандовые поля выглядели почти так же, как в тот момент, когда Оля впервые оказалась здесь. Те же цветы, те же кипарисы, та же каменная стена, те же овцы, лениво бродившие по пастбищу. Но теперь над соцветиями снова кружили пчёлы, а ветер нёс аромат далеко за пределы долины.

Оля остановилась у края поля и достала блокнот.

Она написала:

Первый лист найден.

Немного подумала и добавила:

Аромат возвращён.

Потом задержала карандаш над страницей. Ей хотелось записать ещё что-нибудь — про бабушкину кухню, про старичка, про странное ощущение, которое возникло у неё возле открытого окна. Но подходящих слов пока не находилось.

Оля закрыла блокнот.

Некоторые наблюдения требовали времени. А некоторые, возможно, не стоило превращать в записи сразу после того, как они произошли.

Они спустились с холма уже под вечер. Позади осталась старая мельница, в которой теперь снова гулял ветер. Солнце медленно опускалось за дальние кипарисы, и над Тосканой разливался мягкий золотистый свет.

Впереди лежала дорога на Парму.

Глава 3. Лист Второй. Парма. Вкус.

Есть вещи, вкус которых невозможно почувствовать в одиночестве.

К Парме Оля с совой добрались под вечер, когда солнце уже клонилось к крышам, а длинные тени от старых домов ложились поперёк узких улиц. Дорога постепенно спустилась с тосканских холмов, оставив позади лавандовые поля, и теперь вместо фиолетовых склонов вокруг тянулись виноградники, фруктовые сады и невысокие фермы с черепичными крышами.

Воздух здесь был другим. В нём смешивались запахи влажного камня, древесного дыма и чего-то аппетитного, от чего желудок Оли после долгой дороги начинал подавать вполне недвусмысленные сигналы.

Она шла, прижимая старинную книгу к боку, и время от времени поглядывала на карту. Золотая отметка на странице мерцала мягким светом. Стоило им свернуть не туда, как она тускнела, а на верном пути снова становилась ярче.

— По крайней мере, эта карта умеет показывать направление, — заметила Оля.

Сова, летевшая чуть впереди, обернулась.

— А ты сомневалась?

— Я сомневаюсь во всём, пока не проверю.

— Какое утомительное свойство.

— Зато полезное.

— Для кого?

Оля задумалась.

— Для всех, кто не хочет ошибаться.

Сова издала звук, подозрительно похожий на вздох.

— Тогда тебе предстоит очень насыщенная жизнь.

Оля улыбнулась и снова посмотрела на карту.

Парма встретила их тёплым вечерним светом и оживлённым гулом. Из открытых окон доносились голоса, на маленьких площадях звякала посуда, а у дверей кафе люди задерживались, чтобы договорить начатую историю, допить кофе или решить, куда отправиться дальше. Кто-то нёс домой корзину с хлебом, кто-то вёз на велосипеде ящик с овощами, а пожилой мужчина на углу так увлечённо спорил с продавцом фруктов, словно от исхода их разговора зависело будущее всего города.

И почти отовсюду доносился запах еды.

Оля невольно замедлила шаг.

Где-то пахло свежим хлебом с хрустящей корочкой, из открытой двери маленькой траттории тянуло томатами и базиликом, а неподалёку кто-то натирал сыр в большую миску с горячей пастой. Запах был настолько убедительным, что Оля на мгновение забыла о карте и с интересом посмотрела в сторону кухни.

— Кажется, я начинаю понимать, почему книга отправила

нас именно сюда, — сказала она.

— Потому что ты голодная?

— Это тоже.

— Надеюсь, в твоих научных записях найдётся место для такого важного наблюдения.

— Найдётся, если оно поможет расследованию.

— Разумеется. А если не поможет, можно просто поесть?

— Сова!

— Что? Я уточняю методику.

Оля рассмеялась и убрала книгу в сумку.

Вскоре золотая отметка на карте вспыхнула так ярко, что её свет стал заметен даже сквозь ткань сумки. Оля остановилась перед небольшой лавкой, над дверью которой висела деревянная вывеска:

FORMAGGERIA DEL VECCHIO PONTE.

Под названием был нарисован круг сыра.

— Вот теперь точно пришли, — сказала Оля.

— Судя по вывеске, здесь хотя бы знают, зачем люди заходят внутрь.

— В отличие от некоторых?

— Прошу заметить, не я это сказала...

Оля толкнула дверь.

В лавке оказалось прохладно. За стеклянной витриной лежали куски сыра разных оттенков — от бледно-кремового до насыщенного золотистого. На деревянных полках покоились большие круглые головки, некоторые перевязанные ве-

рёвками, другие с выжженными на корке знаками и датами. В глубине помещения стоял тяжёлый стол, а на стене висели старые фотографии: мужчины в фартуках, женщины с корзинами, длинные столы на площади и огромные круги сыра, выставленные на солнце.

За прилавком стояла пожилая женщина с белыми волосами, собранными в аккуратный узел. Лицо у неё было такое строгое, что Оля невольно выпрямилась, хотя не могла вспомнить, чтобы когда-нибудь чувствовала себя виноватой перед сыром.

Женщина посмотрела на неё.

Потом на сову.

Затем задержала взгляд на книге, которую Оля достала из сумки.

— Вы тоже за сыром? — спросила она.

— Похоже, — ответила Оля.

Женщина нахмурилась.

— Тогда вы пришли не вовремя.

Она взяла нож, лежавший рядом с деревянной доской, отрезала тонкий кусочек от ближайшей головки и положила его на маленькую тарелку.

— Попробуйте.

Оля взяла сыр. На вид он был совершенно обычным: плотный, золотистый, с мелкими отверстиями на срезе. Женщина наблюдала за ней с таким напряжением, словно сейчас должна была состояться дегустация, от которой зависело ре-

шение государственного масштаба.

Оля откусила.

И сразу поняла, что что-то не так.

Сыр не был испорченным. У него не было неприятного запаха, странной консистенции или горечи. Он оказался именно таким, каким и должен был выглядеть хороший выдержанный сыр.

Только вкуса почти не было.

Оля медленно прожевала кусочек, прислушиваясь к ощущениям. Сливочные ноты, лёгкая солоноватость, ореховый оттенок — всё то, что она ожидала почувствовать, словно исчезло, оставив после себя лишь текстуру и едва заметный привкус.

— Странно, — сказала она.

— Именно, — отозвалась хозяйка.

Она положила нож на доску.

— Уже три недели.

Оля подняла голову.

— У всех сыров?

— У всех.

Женщина кивнула на полки.

— Молоко хорошее. Коровы здоровы. Корм не менялся. Соль та же. Температуру в погребах проверяли, влажность тоже. Закваска работает как прежде. Срок выдержки соблюдается. Я даже поменяла поставщика соли. Отец, правда, считал, что после такого сыровару нельзя доверять даже

ключи от сыроварни.

— А соль действительно была плохая?

— Нет. Соль была ни при чём.

Женщина произнесла это с такой уверенностью, что Оля невольно улыбнулась.

— Но поставщика вы всё-таки поменяли?

— Надеялась, что проблема в соли. Это было бы самым простым объяснением.

— И помогло?

— Как видите, нет. Сыр по-прежнему безвкусный.

Сова, устроившаяся на высокой полке, тихо хмыкнула.

Оля попробовала ещё один кусочек. Потом попросила другой сорт, более выдержанный, и затем молодой сыр с мягкой корочкой. Результат оставался прежним: продукты отличались по текстуре, но словно утратили способность рассказывать о себе через вкус.

Внутри у Оли проснулось знакомое профессиональное любопытство. Теперь перед ней была не просто странность, а настоящая задача.

Она достала блокнот.

— Когда вы впервые заметили изменения?

— После праздника.

— Какого праздника?

— Осеннего праздника урожая. Мы отмечаем его каждый год, когда заканчивается сбор винограда и люди наконец могут выдохнуть после работы. Раньше в этот день сюда при-

ходил весь квартал. Мы выставляли столы прямо на площади, каждый приносил что-нибудь своё: хлеб, сыр, фрукты, пироги. Кто-то готовил дома, кто-то приносил вино, кто-то просто приходил помочь расставить стулья. Вечером все садились вместе.

Она на мгновение замолчала.

— А в этом году?

— Никто не пришёл.

Оля подняла глаза.

— Совсем никто?

— Почти. Несколько человек заглянули, поздравили меня с праздником и ушли по своим делам. У всех нашлись причины. Работа, дети, поездки, какие-то срочные вопросы. Ничего особенного. Так бывает.

Она поправила полотенце на прилавке, хотя оно и без того лежало ровно.

— Через несколько дней сыр начал терять вкус.

Оля записала дату, затем перечитала свои заметки.

— Но ведь совпадение во времени ещё не доказывает, что одно связано с другим.

— Я знаю, — ответила женщина. — Поэтому и прошу вас попробовать сыр.

Оля посмотрела на неё внимательнее. В голосе хозяйки не было ни суеверия, ни желания придумать красивое объяснение. Она просто не понимала, что происходит, и, как любой человек, который много лет занимался любимым делом, не

могла смириться с тем, что привычные правила перестали работать.

— Хорошо, — сказала Оля. — Давайте начнём с самого начала.

Следующие два часа она провела так, как провела бы любое расследование в лаборатории. Осмотрела погреба, проверила термометры, измерила влажность, расспросила о процессе приготовления, осмотрела закваску и даже отправилась знакомиться с коровами, от которых получали молоко.

Коровы оказались здоровы. Одна из них отнеслась к Оле с явным подозрением и попыталась съесть угол её блокнота.

— Не трогай, пожалуйста, — попросила Оля, отбирая записи.

Корова посмотрела на неё так, будто не видела ни одной убедительной причины отказываться от бумаги.

— У неё хороший вкус, — заметила сова.

— Она пытается съесть мои наблюдения.

— Возможно, они ей понравились.

— Там нет ничего съедобного.

— Вот именно.

Оля спасла блокнот, поблагодарила корову за участие в исследовании и вернулась в погреб.

Молоко было отличным. Закваска работала как положено. Соль не отличалась от прежней. Температура и влажность находились в нужных пределах. Даже самые незначительные

детали, которые Оля обычно перепроверяла на всякий случай, не давали повода для беспокойства.

Всё было правильно.

И сыр по-прежнему оставался безвкусным.

К вечеру Оля сидела на деревянной скамье возле погреба и смотрела на свои записи. Страницы заполнились аккуратными цифрами, короткими замечаниями и стрелками, связывавшими один показатель с другим. С точки зрения научного подхода она сделала всё, что могла.

Но ответа не было.

Хозяйка поставила рядом с ней небольшую тарелку с сыром и села на другой конец скамьи.

Некоторое время они молчали. Из открытого окна доносились голоса прохожих, а на площади неподалёку кто-то передвигал стулья, собираясь закрывать летнюю террасу.

— Мой отец в таких случаях говорил, что сыр не любит, когда к нему относятся как к задаче, — произнесла наконец женщина.

Оля подняла голову.

— А как он к нему относился?

— Как к тому, что нужно сначала поставить на стол, а уже потом пытаться понять.

Женщина улыбнулась. Впервые её лицо стало мягче, и строгие морщинки у глаз собрались в маленькие лучики.

— Он вообще считал, что некоторые вещи теряют вкус, если слишком долго смотреть на них в одиночку.

Оля посмотрела на тарелку.

— Это уже больше похоже на философию.

— Он был сыроваром. Философом стал случайно.

Оля рассмеялась.

— А вы сами верите, что вкус мог исчезнуть из-за праздника?

Женщина задумалась.

— Я не знаю, почему это случилось. Но я знаю, что раньше сыр никогда не казался мне таким безвкусным, как после того вечера. Наверное, потому, что раньше я не ела его одна.

Оля посмотрела на неё.

— Но вы же пробовали сыр и до праздника. На производстве, в погребе, во время проверки выдержки.

— Конечно. Только это другое. Когда ты работаешь, ты оцениваешь продукт. А когда садишься за стол с другими людьми, ты ешь. Слушаешь, как кто-то рассказывает историю, передаёшь соседу хлеб, споришь о том, кто приготовил лучший соус. И сыр почему-то становится вкуснее.

Она произнесла это без всякого пафоса, как простую вещь, которую давно знала и только сейчас решила сформулировать.

Оля задумчиво провела пальцем по краю блокнота.

Она могла проверить состав сыра, влажность, температуру, кислотность и множество других параметров. Но как измерить то, что происходит между людьми за одним столом? Как включить в протокол смех, случайные разговоры, воспо-

минания и ту особенную лёгкость, которая возникает, когда никто никуда не торопится?

— Хорошо, — сказала она наконец. — Давайте попробуем ваш способ.

Женщина посмотрела на неё с недоверием.

— Какой?

— Поставим сыр на стол. А потом будем думать.

Они вышли на площадь.

Солнце уже клонилось к крышам, и вечерний свет окрашивал стены в тёплый медовый цвет. У кафе убирали посуду, несколько прохожих спешили домой, а на столах возле лавки аккуратными рядами стояли пустые стулья.

Оля остановилась.

Стульев было много. Гораздо больше, чем требовалось для случайных посетителей. Они стояли вокруг длинных столов, будто ждали людей, которые должны были вот-вот прийти, сесть и начать разговор.

Но площадь оставалась почти пустой.

Оля подошла к одному из столов. На нём лежала старая деревянная доска для сыра. Рядом остался нож с потемневшей ручкой, а на поверхности дерева виднелись светлые следы от множества прежних нарезок.

Она провела пальцами по доске.

И вдруг поняла, чего не было в её записях.

— А если мы всё это время проверяли сыр как отдельную вещь? — произнесла она.

Сова спустилась с ближайшего фонаря и села на спинку стула.

— Продолжай.

— Мы проверили молоко, закваску, соль, температуру, влажность. Всё, что связано с его приготовлением и хранением. Но ведь сыр никогда не был просто сыром. Его делали для людей. Его ставили на стол, нарезали, передавали друг другу. Он был частью чего-то большего.

Сова внимательно посмотрела на Олю.

— И что ты предлагаешь?

Оля оглядела пустые столы.

— Проверить, что произойдёт, если мы снова соберём людей вместе.

— Научный эксперимент?

— Именно.

— С участием хлеба и вина?

— Если это поможет установить причину.

Сова одобрительно кивнула.

— Мне нравится направление твоих исследований.

Оля вернулась в лавку и принесла несколько кусочков сыра, хлеб, яблоки и виноград. Хозяйка смотрела на неё с растущим недоумением, но помогала молча. Они разложили всё на деревянной доске и поставили её в центре стола.

— Что теперь? — спросила женщина.

— Теперь нужно, чтобы кто-нибудь пришёл.

— И как ты собираешься это устроить?

Оля посмотрела на пустую площадь, затем на открытые окна ближайших домов.

— Для начала позовём соседей.

Она сама удивилась, насколько просто это прозвучало. Ещё утром она была уверена, что для решения любой задачи нужно сначала собрать данные, а затем выстроить логическую цепочку. Но сейчас у неё не было ни проверенной гипотезы, ни гарантированного результата. Был только стол, сыр и несколько пустых стульев.

Оля подошла к ближайшему дому и постучала в дверь.

На пороге появился мужчина в рабочей рубашке.

— Добрый вечер. Мы устраиваем небольшой ужин на площади. Не хотите присоединиться?

Мужчина удивлённо посмотрел на неё.

— Ужин? Сейчас?

— Да. Будет сыр.

Он взглянул на сову, сидевшую у Оли на плече.

— И сова?

— Она не обязательная часть меню, — поспешно уточнила Оля.

Мужчина рассмеялся и пообещал прийти.

Следом Оля позвала женщину из соседнего дома, пожилого мастера, который чинил велосипеды на углу, и молодую пару, возвращавшуюся с рынка. Кто-то сначала отказывался, кто-то спрашивал, что случилось, а кто-то соглашался с таким видом, будто собирался ненадолго задержаться исклю-

чительно из вежливости.

Но постепенно площадь начала оживать.

Один сосед принёс ещё хлеба. Другая женщина поставила на стол миску с оливками. Кто-то достал из дома бутылку вина, кто-то принёс домашний пирог, а маленькая девочка появилась с корзинкой винограда, который, по её словам, «всё равно никто не ел, потому что дедушка опять купил слишком много».

— Дедушка поступил предусмотрительно, — сказала сова. — Теперь у нас есть запасы.

— Ты уже второй раз за вечер говоришь о еде, — заметила Оля.

— Я стараюсь поддерживать разговор.

— У тебя очень узкий круг тем.

— Зато надёжный.

Оля улыбнулась и поставила на стол ещё одну тарелку.

Сначала люди разговаривали осторожно. Они обменивались новостями, спрашивали, как дела, жаловались на погоду и обсуждали цены на рынке. Потом кто-то вспомнил прошлогодний праздник урожая. Другой человек рассказал историю о том, как в детстве перепутал мешки с виноградом и принёс домой урожай соседа. Женщина из соседнего дома принялась доказывать, что её бабушка готовила лучший хлеб в городе, и тут же нашлись трое, готовые оспорить это утверждение.

Постепенно разговоры становились громче, смех — сво-

боднее, а стол перестал казаться просто столом, на который поставили еду.

Люди передавали друг другу тарелки, отламывали хлеб, предлагали попробовать то, что принесли сами. Кто-то впервые за долгое время сел рядом с соседом, которого видел каждый день, но с которым никогда толком не разговаривал. Пожилой мастер рассказывал девочке, как устроена велосипедная цепь, а она в ответ объясняла ему, почему виноград бывает разного цвета.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.